

Противу льва неукротима
 Съ Олимпа Гебу призвала.
 Пошла—и подъ оливой стала,
 Блестая легкою бронею:
 Младую нимфу обнимала,
 Сидящую въ тѣни вѣтвей.
 Левъ шель,—и подъ его стопомъ
 Приморскій влажный берегъ дрожаль;
 Но встрѣтясь вдругъ со красотою,
 Какъ солнцемъ пораженный, сталъ.
 Вздыхалъ и палъ къ ногамъ левъ силь-
 ный,

Прелестну руку лобызаль
 И чувства кроткія, умильны,
 Въ сверкающихъ очахъ являлъ.
 Стыдлива дѣва улыбалась,
 На молодого льва смотря,
 Кудрявой гривой заставлялась
 Сего звѣринаго царя.
 Миневра мудрая познала
 Его родящуюся страсть,
 Цвѣтчной цѣпью привязала
 И отдала любви во власть.
 Не разъ потомъ уже случалось,
 Что умъ смирять и ярость львовъ,
 Красное мужество сражалось,
 А побѣждала все любовь.

Изъ этого стихотворенія видно въ Державинѣ живое сочувствіе къ древнему міру, какъ свидѣтельство глубоко-художественнаго элемента въ натурѣ поэта. Но пьеса «Рожденіе Красоты» еще болѣе обнаруживаетъ это артистическое сочувствіе поэта къ художественному міру древней Греціи, хотя эта пьеса и еще менѣе выдержана, чѣмъ первая. Доказательствомъ же того, какими превосходными стихами могъ писать Державинъ, служить его стихотвореніе «Русскія Дѣвушки»:

Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ тѣсноты,
 Какъ въ лугу, весной, бычъ
 Пляшутъ дѣвушки *россійскія*
 Подъ свирѣлю пастушка?
 Какъ, склонясь главами, ходятъ,
 Башмачками въ ладъ стучать.
 Тихо руки, взоръ поводятъ,
 И плечами говорятъ?
 Какъ ихъ лентами златыми
 Чела бѣлыя блестятъ,
 Подъ жемчугами драгими
 Груды нѣжныя дышатъ?
 Какъ сквозъ жилки голубыя
 Льетъ розовая кровь,
 На ланитахъ огневыхъ
 Ямки врѣзала любовь!
 Какъ ихъ брови соболины,
 Подлый искръ соколий взглядъ,
 Ихъ умилька—души львины
 И сердца орловъ разятъ?
 Коль бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ,
 Ты бѣ гречанокъ позабылъ,
 И на крыльяхъ сладострастныхъ
 Твой Эротъ приковалъ былъ.

Оставимъ въ сторонѣ достолубезную наивность мысли—заставить Анакреона удивляться *россійскимъ* дѣвушкамъ, пляшущимъ весной на лугу «бычка», и отдать имъ первенство передъ богинями и нимфами древней Эллады, оставимъ также въ сторонѣ книжное и не идущее къ дѣлу слово «гла-

вами», ошибку противъ языка, который велитъ поводить руками и взорами и не позволяеть «поводить руки и взоры»; оставимъ все это въ сторонѣ, какъ погрѣшности, неизбежныя по духу времени, и спросимъ: можно ли согласиться, что стихи этой пьесы, какъ стихи—прекрасны? Стало быть, Державинъ могъ всегда писать прекрасными стихами?—Конечно, могъ, ибо онъ по натурѣ своей былъ великій поэтъ.—Отчего же онъ такъ рѣдко писалъ хорошими стихами?—Оттого, что въ его время не было ни понятія о необходимости прекрасныхъ стиховъ, ни потребности въ нихъ; оттого, что въ его время о поэзіи всего менѣе думали, какъ о красотѣ, не подозревая, что поэзія и красота—одно и то же. Поэтому Державинъ всего менѣе заботился о стихѣ, а такъ какъ онъ началъ писать очень поздно, то и не могъ овладѣть ни языкомъ, ни стихомъ, обладаніе которыми и величайшимъ поэтамъ достается не безъ тяжкаго труда. Оттого же Державину такъ трудно было поправлять свои пьесы, и всѣ его поправки были болѣею частью неудачны. Что касается до не точности въ выраженіи,—отъ того времени и требовать невозможно точности, а страшное насилуваніе языка, т. е. произвольныя усѣченія, ударенія, часто искаженіе слова, должно приписать тому, что Державинъ въ молодости не имѣлъ возможности приобрѣсти по части языка ни познаній, ни навыка.

Сколько бы ни разобрали мы пьесъ Державина,—все пришло бы къ одному и тому же результату: великъ былъ естественный талантъ Державина, а поэтось-художникомъ онъ все-таки не былъ; и цѣлый кругъ его поэтической дѣятельности представляетъ собой только порываніе къ поэзіи и достиженію ея лишь мгновенными всплывками и неожиданными проблесками. Даже лучшія, самыя поэтическія его произведенія, какъ, напримѣръ, «Фелица», могутъ намъ нравиться не иначе, какъ только подъ условіемъ изученія, какъ факты историческаго развитія русской поэзіи. Читая ихъ, мы должны оторваться отъ своего времени и своихъ понятій, и силой размысленія, такъ сказать, заставить себя видѣть поэзію и талантъ въ томъ, что въ современномъ намъ писателѣ называли бы мы прозой и бездарностью. Однимъ словомъ, стихотворенія Державина, разсматриваемыя съ эстетической точки, суть не что иное, какъ блестящая страница изъ исторіи русской поэзіи,—некрасивая куколка, изъ которой должна была выпорхнуть на очарованіе глазъ и умиленіе сердца роскошно-прекрасная бабочка... Повторяемъ: талантъ Державина великъ, но онъ не могъ сдѣлать больше того, что позволили ему его отношенія къ историческому положенію обще-